

ЯЗЫКОЗНАНИЕ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ «ИСТОРИКО- ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО СЛОВАРЯ ОСЕТИНСКОГО ЯЗЫКА» В. И. АБАЕВА

Т. А. ГУРИЕВ

Со времени выхода из печати первого тома «Историко-этимологического словаря осетинского языка» В. И. Абаева прошло более полувека. (Последний пятый том был опубликован в 1995 г.). За это время данный словарь получил всемирное признание. Он получил вполне заслуженные высокие оценки специалистов высокого ранга. Правда, обзвывая отзывы на ИЭСОЯ, мы заметили, что они в значительной степени однообразны. Это вполне объяснимо: он истинный кладёз по языку, фольклору, этнографии, истории осетин – прямых потомков скифо-сарматских аланских племен. ИЭСОЯ – явление в мировой лексикографии, и его значение выходит далеко за пределы осетиноведения.

Сравнительную характеристику социального устройства у осетин и у скифов выдающийся французский ученый Ж. Дюмезиль начинает с весьма интересного введения: «Хотя скифское происхождение осетин несомненно, хотя из грузинских летописей можно узнать о некоторых событиях, установить некоторые даты из истории их более близких предков, алан, тем не менее положение исследователя-этнографа или лингвиста весьма невыгодно: будучи довольно хорошо осведомлен греческими и латинскими авторами о нравах и верова-

ниях скифов в V в. до н.э. и в последующие столетия, он затем, – вплоть до середины XIX в., оказывается лишен какой бы то ни было документации. Все, что сколько-нибудь точно известно об этих «европейских иранцах», относится к двум крайним точкам исторического пути длиной в два с половиной тысячелетия. И чудо, что в таких условиях все еще можно распознать столько «пережитков». Но это чудо неоспоримо: по языку и фольклору осетины оказались одним из самых бережно относящихся к традициям индоевропейских народов» [1, 153].

Автор несколько сгущает краски, утверждая, что в течение двух с половиной тысячелетий о предках осетин нет какой бы то ни было документации. Такая документация, конечно, есть, но она явно недостаточна, а потому многие страницы истории данного народа остаются непрочитанными. ИЭСОЯ Абаева заполняет многие бреши в истории древнего народа. И в этом, в первую очередь, непреходящее значение данного труда.

Оценивая результаты своего многолетнего труда, Абаев писал о высокой требовательности к науке и заметил: «...не могу признать, что намеченных вершин он не достиг. Не могу сказать: “полная неудача”.

Но можно говорить о неполной удаче» [2, II, 566]. При этом автор посетовал, что его словарь мог бы содержать больше общегуманитарной, исторической, этнографической и прочей информации.

В своем «Предисловии» к ИЭСОЯ Абаев писал: «Словарь (имеется в виду ИЭСОЯ. – Т. Г.) не претендует на равномерную и исчерпывающую разработку всей осетинской лексики. Многие предлагаемые сопоставления носят предварительный характер и должны рассматриваться как материал для будущих, более углубленных этимологических изысканий» [2, 5]. В данном случае автор говорит о неполноте охвата лексики осетинского языка в его словаре и о предварительном характере многих приведенных в нем этимологий, а также о необходимости продолжения этимологических изысканий.

Состав словника для этимологической разработки предлагается, как правило, автором сочинения. Ясно, что в наших маргиналиях мы не будем касаться данного вопроса. Но мы позволим себе усомниться в правомерности тезиса о том, что многие сопоставления в ИЭСОЯ носят предварительный характер и должны рассматриваться как материал для будущих изысканий.

Приведенные слова автора вряд ли согласуются с высокими требованиями, которые предъявляются к этимологическому словарю. Сам Абаев неоднократно подчеркивал неизбежность тех самых высоких требований.

Идея написания маргиналий к «Историко-этимологическому словарю осетинского языка» была подсказана мне коллегами. Однако я долго не решался приступить к этому ответственному и, как мне казалось, рискованному предприятию.

Как бы то ни было, *alea jacta est*.

Считаю уместным заметить, что во время моего пребывания в докторантуре при Институте востоковедения АН СССР у нас с Василием Ивановичем – моим научным консультантом – установились вполне до-

верительные творческие отношения. Он проявил большой интерес к теме моего исследования – «Отражение монгольских влияний в эпосе и языке алан (осетин)». Во время наших встреч, и тогда и после, мы не раз обсуждали и отдельные статьи в ИЭСОЯ. Последствия этих обсуждений, естественно, учтены в предлагаемых маргиналиях. Соглашаясь с высокими оценками, данными ИЭСОЯ нашими коллегами, отечественными и зарубежными, я продолжу обсуждение некоторых, наиболее интересных, проблемных статей этого фундаментального произведения.

После выхода в свет первого тома ИЭСОЯ прошло более полувека. За это время появилось довольно много исследований по иранским, другим языкам, созданы превосходные труды по теории и практике лексикографии, подготовлены и опубликованы новые этимологические словари и т.п. Ясно, что отдельные вопросы, освещенные в ИЭСОЯ, нуждаются в соответствующей переоценке. При этом я сознаю, что и предлагаемые некоторые маргиналии могут оказаться научно небезупречными.

Абаев включил в Словарь специальные статьи, в которых рассматриваются имена ведущих героев осетинского эпоса «Нартиада», теонимы, топонимические названия, получившие широкое распространение, названия популярных праздников и т.п.

Ad rem!

Как-то во время одной встречи с моим научным консультантом В.И. Абаевым я изложил ему суть своей концепции о монгольском компоненте в нартовском эпосе.

– Все очень убедительно... Логично, – сказал Василий Иванович. Он поздравил меня с успехом.

Я сказал, что задолго до меня он сам мог сделать это, да и лучше меня.

Василий Иванович сразу отреагировал.

– Когда я выступил о монгольских влияниях в нашем эпосе, на меня навалились все разом. Я стал объектом критики...

Он задумался.

– Боюсь, что Вас ожидает то же.

Я ответил известными словами.

– Я пойду другим путем. Учту Ваш опыт.

Он повеселел.

– Вы оказались в благоприятных условиях... Вам и карты в руки... А потом... Не все же одному делать. Надо и другим что-то оставлять.

Я дословно привел часть той памятной для меня беседы.

Не могу не сказать, что приведенная реплика В. И. Абаева («Боюсь, что Вас ожидает то же») оказалась пророческой. Консервативная часть нашей интеллигенции перенесла угасавший огонь критики гипотезы Абаева на меня. Но это – тема особого разговора.

Данные маргиналии я начинаю по алфавиту, с рассмотрения словарной статьи «*Acætæz*» (с. 26). Это имя чудесного певца и флейтиста в нартовском эпосе, любимца легендарного племени и небожителей. Имя сопоставляется с скифским ИС из Горгиппии *Atamaz-/Attamaz-*. В. И. Абаев согласился с К. Мюлленгофом, выделившим в рассматриваемом имени компонент *-maz* «великий» [3, 567]. Далее Абаев пишет, что «в первой части может быть /культурный термин/ с отпадением начального *w*, как в *Acyruх*, *Acamongæ* (*Vaca – *maz- Acætæz*)». Как видим, автор постулирует «*w*» в начале имени, но оставил без внимания *t>c*. Однако точка зрения Абаева нам известна. В работе «Нартровский эпос» он писал: «В греческом не было, как известно, звуков *ц* и *ч*, и для их передачи обычно пользовались буквой *t*. Поэтому аланское *Ацамаз* или *Ачамаз* закономерно передается через *Atamazas*» [4, 75].

Любопытно, что в 1945 г. В. И. Абаев счел нужным объяснить греческое «*t*», будучи уверенным в первичности *ц* и *ч* в скифском имени, а в ИЭСОЯ постулировал начальное «*w*», оставив без внимания судьбу «*t*». (Мимоходом заметим, что название чудесной чаши в Нартиаде на с. 26 первого тома ИЭСОЯ пишется дважды со

строчной буквы, а на с. 32 четвертого тома – с прописной. Почему?)

Профессор М. Я. Немировский в своем обстоятельном отзыве о Словаре безоговорочно принял этимологию антропонима *Acætæz*. Он заметил, что это – один из вопросов истории осетинского языка, разъясняемых в ИЭСОЯ [5, 94]. Как мы увидим дальше, приведенная оценка рассматриваемого антропонима неприемлема.

Формально можно постулировать разные фонетические переходы, и на этот крючок попадают многие языковеды. В нашем случае также следовало бы учесть многие другие факторы, ибо «*language depends not only on agreement in definitions, but also on agreement in judgements*» [6, 69].

Мои суждения суть следующие.

I. В рассматриваемом имени *Ацамаз* второй компонент, т.е. *-maz* «великий», является своеобразным индикатором, «наводчиком». Логично предположить, что существовал некий *Am\m\а*, заслуживший эпитет «Великий».

II. Имя *A\m\ma* многократно встречается в античной литературе и в текстах эпиграфических памятников [7; 8, 297-300]. Однако нас интересует тот *A\m\m\а*, который мог послужить вероятными прототипом *A\m\m\амаза* > «*At\т\та* Великого». И такой деятель в истории Скифии хорошо известен.

III. В истории Скифии выдающееся место занимает царь Атей-ос. О нем существует сравнительно богатая литература. Этот царь объединил скифские племена разных регионов. С его именем и изображением чеканились монеты [9, 28.34].

Климент Александрийский (II-III вв.) сообщал, что в своем послании к Александрийцам царь Атей предупреждал: «Не вредите моим доходам, чтоб мои кобылицы не пили вашей воды» [10, 283]. Автор писал, что варвар намекал на войну, которую он собирался объявить.

Интересные сведения о царе Атее оставил Плутарх. Он в частности писал: «Захватив в плен прекрасного флейтиста Исме-

ния, он (Атей. – Т. Г.) приказал ему играть на флейте, между тем как прочие выражали удивление его игре, он с клятвой сказал, что с большим удовольствием слушает ржание коня» [11, 496].

Царь Атей погиб в сражении с Филиппом II Македонским в 339 г. до н.э. Ему было тогда около 90 лет. Ясно, что правитель столь мощной державы, обладавший многими завидными качествами, вполне заслужил честь быть названным «Великим» и воспетым современниками и потомками. Мы намеренно остановились подробно на опыте объяснения имени *Ацамаз*. Неучет какого-либо релевантного факта (как, впрочем, и поиски формально возможной формы!) чреват ошибкой.

Позволим себе несколько нарушить последовательность изложения и привести другой пример неосторожного обращения с фактами в Словаре. На с. 322 предлагается статья следующего содержания: «*суна* и. «минеральный осадок (от реки, источника)», *сунадур* «осадочная порода». логически неясное слово. Созвучно с названием нескольких русских рек: русск. *Цна* название реки (1) приток Мокши в бассейне Оки; 2) левый приток Припяти; 3) река, впадающая в озеро Мстино в Московской области). Созвучие это может быть случайным» [2; 322].

Цна привлекло внимание М. Фасмера, который рассмотрел все реки с этим названием, предложил свою этимологию и т.п. [12, 303].

Замечание В.И. Абаева о том, что созвучие названия реки Цна и осетинского цына-дур может быть случайным, следует понимать так: это созвучие может быть случайным, но может быть принято как рабочая гипотеза. Но дело как раз в том, что данное предположение де-факто исключается, «Правило сравнительного метода гласит, – писал А. Мейе, – что сопоставление оправдывается только положительными, вполне определенными фактами: доказать, что случайность исключена – прямая обязанность этимолога... доказательства всег-

да должны быть точными и строго обоснованными» [13, 38]. Между осетинским словом и названием указанной русской реки не может быть связи, поэтому его включение в ИЭСОЯ не находит оправдания. Перед нами, скорее всего, монг. *тунамал* «осадочный (о горных породах)» с отпадением последнего слога [14, 448; 15, 423]. Для «т» > «ц» нет препятствий: перед нами обычная фонетическая фреквенталия. Об этом свидетельствует, в частности, и рассмотренный нами пример «т» > «ч» / «ц» в *Ат/т/амаз* > *Ацамаз* / *Ачамаз*. Не исключено, что *туна-* > *цуна* имело место уже в монгольских наречиях [16, 54; 17, 349].

Слово *адаг* «овраг, балка» (с. 28) В.И. Абаев оставил без разъяснения. Перед нами слово, широко распространенное в тюркских и монгольских языках; ср. тюрк. *adag*, монг. *adag* / *aday* и др. Имеет ряд значений: «конечный», «плохой», «нижняя часть», «устье» (реки) и т.п. [15, 23; 18: 8].

Название многочисленной орды завоевателей в фольклоре *Агуыр* (обычно в сочетании *агуыры афсад* «агурово войско») В.И. Абаев связывает с тюркским этнонимом *огуз/огур*, а случаи упоминания данного этнонима рассматривает как отзвук нашествия огуров-булгар на Северный Кавказ в V в. Предложенная этимология представляется приемлемой, но содержание названия со временем должно было меняться.

Спорной представляется предложенная в Словаре этимология очень важного родового названия *Алагатæ* в Нартиаде (с. 44-45). Василий Иванович отстаивает гипотезу о его западнокавказском происхождении. При этом он исходит из убеждения, что *лаг* является кавказским вкладом в осетинской лексике. Большинство ученых видят в *Алагатæ* рудимент древнего **arya-ka* «ариец».

Например, Ж. Дюмезиль уверенно возводит *Алагатæ* к **arya-ka*, которое, как он пишет, «не могло привести ни к чему другому» [1, 173]. В.И. Абаев был, кажется, уверен в том, что формант *-хъо*

«сын» в кабардинском *Аладжыхъо* и абазинском *Аладжухъо* «работает» в пользу его гипотезы.

История форманта *-хъо* остается до сих пор нераскрытой. Известный историк адыгских языков А.К. Шагиров в своем «Этимологическом словаре адыгских (черкесских) языков» не дал ответа на вопрос о происхождении данного форманта, встречающегося в разных языках в разных формах [19, 231]. Позиция Амина Кабцуевича нам понятна, и мы вернемся к ней при рассмотрении собственного имени *Созырыхъо* в ИЭСОЯ. А пока заметим, что приведенные собственные имена с формантом *-хъо* нуждаются в специальном рассмотрении.

Интересной представляется статья, посвященная термину *аллон* (с. 47). Вызывает недоумение то, что автор не упоминает имя профессора Роберта Готье, на «Граматику Согдийского языка» которого он ссылается.

Еще одно замечание к данной статье. В.И. Абаев счел нужным сослаться на имя *Куырдалагон*, в котором он (ошибочно!) выделяет элемент *-ал-*, полагая, что *Куырдалагон* означает «Кузнец аланский Уэргон» (об этом см. ниже).

В статье, посвященной герою эпического цикла «Даредзантæ» *Амырану*, В.И. Абаев указывает, что сказания и имя героя восходят к грузинскому роману «Амиран-Дареджаниани» Мосе Хонели. Однако этимология «Амиран-Дареджан», предложенная академиком Н.Я. Марром и поддержанная автором Словаря, спорна. Марр указанное сочетание возводит к гипотетическому персидскому «*амир-андаре-джехан*», т.е. «князь в мире» (с. 53). (О предложенной Н.Я. Марром вивисекции «Амиран-Дареджаниани» будет сказано подробнее в заметке о статье «Куырдалагон»).

Специфический интерес представляет статья «*арен*» (с. 58-59). Абаев высказывает предположения о происхождении данного термина и, в конце концов, приходит к выводу о его возможной связи с чувашским *йеран* «межа». Автору следовало

развить эту гипотезу. Перед нами действительно тюркизм. Профессор Э.В. Севортян показал, что *ара* «межа» имеет широкое распространение в тюркоязычном мире [20, 162-164]. В таком случае приходится думать, что источником заимствования рассматриваемого термина скорее всего был один из языков соседних народов – носителей тюркского языка.

В этимологических словарях многие статьи оказываются связанными. В ИЭСОЯ таких примеров множество. В статье, посвященной слову *арх*, «затверждение в древесине в месте выхода сучка» (с. 73), автор пишет, что происхождение данного слова неясно. А далее он показывает давность этого термина. «В пользу отнесения слова к старому фонду языка говорит наличие его в сложном слове *bæzærxyg* «коренастый». Абаев приводит интересные доводы в пользу своей гипотезы, которые, однако, недостаточны для внесения ясности в историю слова *арх*.

Но нас заинтересовал термин *бæзærхыг*, на который сослался автор Словаря и которому он посвятил отдельную статью (с. 257).

Абаев предложил остроумные аргументы в пользу своей гипотезы об исконности термина *бæзærхыг*. Увы, перед нами монгольское слово *bijerxeg* «рослый, крепкого сложения» и т.п. [15, 69].

Слово *am/ma/a* было известно с незапамятных времен, и не только в иранских языках. В ИЭСОЯ *æда/amma* подается в разных значениях: «отец», «деда», «папа» (с. 130). Параллельно в детской речи употребительно слово *æна* «мать», «матушка», «бабушка» (с. 148).

Am/ma/ и *æда* этимологически связаны, однако сферы их употребления различны. Рассматривая проблему отцовства в индоевропейском языке, Э. Бенвенист заметил, что слова **mater* и **pater* не составляют симметричную пару, т.к. последнее не обозначает физического родителя. Иначе характеризует автор слово *amma* [21, 169-174]. По поводу *amma*, которое

нас интересует, А. Эрну и А. Мейе писали: «Atta grand père, ou plutot «grandpapa». Mot du langage enfantin, qu'on retrouve sans doute dans atauus» [22, 54]. В то же время авторы подчеркивают социальную значимость слова *pater*: он является хозяином дома, владения и т.п.

Небезынтересно, что Антуан Мейе в своем «Введении в сравнительное изучение индоевропейских языков» писал нечто другое о значении рассматриваемого слова. Сравнивая его со словом *pater*, он заметил: «Иного характера такое слово, как *atta; это вовсе не слово детского языка, соответствующее нашему *papa*, как иногда утверждают; это есть фамильярное обращение, с оттенком нежности, к лицу более или менее низшего общественного положения» [13, 414; 23, 1959].

Как видим, история рассматриваемого слова *am/m/a* заслуживает особого внимания. В скифское время оно выступало и как личное имя, о чем легко судить по частой встречаемости на эпиграфических памятниках скифо-аланской ойкумены.

В словарной статье, посвященной божееству диких животных Афсати, повторяется этимология Марра, который считал это важное имя заимствованием из языков Кавказа. Однако позже он изменил свою точку зрения и, не приводя никаких доказательств, писал, что это слово попало к скифам от фракийцев [24, 1989].

Афсати – исконно арийское название божества бесхозных, диких животных [25]. История данного теонима более чем прозрачна: оно состоит из двух частей – *pasu* «скот» (ср. совр. осет *фос* «скот») и *paiti* «хозяйка». (Последнее в осетинском не сохранилось). Данное божество – *Pashupati* – в индийском пантеоне занимает важное место [26, 193]. Археологические материалы поддерживают идею об исконном характере данного божества. Так, например, С.С. Бессонова описала божество хозяина диких животных в двух ипостасях: женском и мужском [27, 88]. Древние индийцы оказались более консервативными: они

считали *Пашупати* женским божеством [28, 46]. Профессор Swati Ray называет это божество «Mistress of animals», имея, видимо, в виду ее статус хозяйки, владычицы. Была ли она владычицей всех животных – «Lord of creatures», как полагает J. Dowson (ср.: 233), или только бесхозных? [29]

Профессор М.К. Дхаваликар в специальной статье рассматривает вопрос генезиса данной богини / божества и настаивает на том, что это божество было известно еще носителям Хараппской культуры [30, 203-211]. И называет он рассматриваемое божество «lord of beasts», т.е. именно зверей. (Осетины четко различают функции двух божеств: *Фалавара* является патроном домашних животных, а *Афсати* остался хозяином диких животных).

Такого же мнения придерживается и профессор Сварм Кхандпур. Он пишет, что культ Пашупати – «Божества диких животных» – существовал задолго до прихода варийских племен в Индию [31, 30].

В статье *аелдар* «господин, князь» Абаев развивает прежде высказанную мысль о том, что слово состоит из двух частей: *арм* «рука» и *дар* «держать», «иметь»; букв, «рукодержец» (с. 127). Статья в целом очень интересна, однако постулирование «м» в первой части слова вызывает вопросы. Обычно термин *аелдар* употребляется в значениях «владелец», «правитель», «господин». Так воспринимал термин и В.Ф. Миллер [32, 490].

А.М. Шегрен обратил внимание на отсутствие величающих титулов у осетин и заметил, что они лишь иногда скажут: Ме 'лдар! т.е. «Мой Старшина!» [33, 324]. В своем «Осетинско-русском словаре», который прилагается к «Осетинской грамматике», тот же А.М. Шегрен переводит данный термин как «Старшина, начальник» [33, 8].

В свете приведенных сведений история рассматриваемого слова нуждается, видимо, в дальнейшем изучении. О слове *аелдар* в монгольском мире, о чем пишет Абаев, была интересная статья Ф.В. Кливза [34].

Значение термина *æмыджыр / æмигир* автор подает в следующей редакции: «Так называются при многоженстве каждая из жен в отношении к другой» (с. 147). Автор предлагает свою трактовку термина с определенными оговорками, будучи уверенным только в объяснении первой части термина, т.е. *æм-* «со-». Василий Иванович склонен видеть во второй части термина *-джир* «боров, кабан», а все слово переводит как «сосупружная».

Абаев ставит данное слово в один морфологический ряд со словами *æм-сиахс* «со-зять», *æм-хæрафырт* «со-племянник», привлекая (очень кстати!) английское слово *со-wife* «со-жена».

Мы вправе предположить, что во второй части термина следует видеть не «боров», «кабан», «самец», а «жена». Если данное предположение верно, то *-гир / -джыр* можно связать с монгольским *гэр-гэй / гэр-гэн* «жена». В данном слове легко выделить *гэр* «юрта», «дом», «очаг». Профессор Н. Поппе высказал мысль, что *гэргэн* первоначально была формой множественного числа, что лишь впоследствии она стала выражать единственность [35, 176].

Интересно, что в современной осетинской лексике нет слова, равнозначного русскому «жена». Обычно понятие «супруги» передается разными эвфемизмами: *ус* «женщина», *бинойнаг* «член семьи», *нахион* «наша» (в речи мужа), *æфсин* «хозяйка», а нередко и русским *хозяйка* и другими словами. Ясно, что аланский термин, обозначающий понятие супруги, был табуирован сравнительно давно. Об этом свидетельствует, кажется, и рассмотренный нами гибридный термин *æмыджыр / æмигир* «со-жена».

Термин *æндæрабон* «позавчера» в Словаре объясняется как сложение из *æндæр* «другой» и *бон* «день». Объяснение вполне убедительное, однако, оно, как и *иннабон* «послезавтра», с трудом увязывается с иранской традицией. Не является ли *æндæрабон* контаминацией с каким-то другим словом?

О происхождении слова *æрдонг* «стадо», «стая», «гурт» еще Эмиль Бенвенист высказал интересную мысль. Он возвел его к иранскому **dran-ga-*, *nom verbal de drang* – «tenir fermenté» [36, 34]. «Фонетически это очень неплохо, – пишет В. И. Абаев, – но развитие значения не совсем ясно» (с. 173). Следует, возможно, подумать о контаминации иранского слова с монг. *орда*? К сожалению, не все значения данного слова учтены Э. Бенвенистом и В. И. Абаевым. Например, в осетинском часто встречаются стилистически окрашенные сочетания типа *фашистты æрдонг* «фашистская орда».

Этимология клички знаменитого легендарного коня нартовского гупшурсара Урызмага *Æрфаен* в ИЭСОЯ подается в такой редакции: «может быть, из *aerv-faed* < **abra-rana* «страж неба» (с. 175)? *Æрфаен* был боевым другом и советчиком (а по некоторым кадагам, и братом) героя Нартиады. По общепринятым законам фольклора, умный *Æрфаен* предупреждал хозяина о грозящей ему опасности, не раз выручал его из беды и т.п.

Приведенная выше этимология Василия Ивановича подается в форме предположения и сопровождается вопросительным знаком. Ясно, что автор предполагал продолжить обсуждение данного вопроса.

Рассматриваемая кличка *Æрфаен* – явно тюркского происхождения; ср. тюрк. *Тарпан / турпан / тулпар* и т.п. в фольклоре тюркоязычных народов: «1) быстроногий скаковой конь; 2) боевой богатырский конь; 3) мифический или эпический крылатый конь» [37, 261; 38, 191-192].

Следует обратить внимание и на то, что и другие богатырские кони в Нартиаде носят клички тюркско-монгольского происхождения. Таковыми являются *Аласа*, *Дурдура* (< араб. *Дульдудль*), *Хьулон*.

Позволим себе подробно остановиться на термине *æрчыи / æркъе*. Этим термином обозначается «обувь, изготовленная из воловьей кожи; подъемная часть из одного куска, а нижняя (подошва) сплетается из

тоненьких ремешков» [39, 226], *Аерчытае* были удобны «для ходьбы по льдинам, скалам и травянистым местам» [40, 66].

Для жителей гор *аерчы* были удобны еще и тем, что они наполнялись сухой мягкой травой (*фæсал*) и надевались на голую ногу [41, 154].

Итак, само происхождение *аерчы* связано исключительно с горными условиями жизни. Абаев неслучайно пишет в ИЭСОЯ: «Вероятно, кавказского происхождения», но вынужден добавить: «Верных соответствий не видно» (с. 178).

Аерчы – один из важных монголизмов в осетинском. Однако, как нередко случается, объяснение его истории вызывает вопросы. В монгольских языках корень *эрч* несет идею скрученности, сплетенности; ср. *эрчлэх* «скручивать, свивать туго» [15, 680]. Подошва *герчы* как раз состоит из сплетенных ремешков. С другой стороны, – в тех же монгольских языках *Арсь* (*ан*) / *арш*- / *арч*- означает «шкура», «кожа», «кожаный» [42, 255; 15, 45]. Данное слово также могло послужить базой образования рассматриваемого термина. Слова с этим корнем, сложные и производные, народные поговорки, кажется, поддерживают последнее предположение: ср. *аерчыиаг* «материал (кожа) для *аерчы*»; *аерчыихор* «кожа, достаточная для изготовления *герчы*»; *аерчыбос* «перевязка *герчы*»; *саптæрчы* «имеющий худые *аерчы*»; *ныхасмæ галдзарм куы рахæссай, уæд дзы аерчыихор дæр нал баззайдзæн* – «если вынесешь воловью шкуру на место общественных собраний, то и на *аерчы* не останется» и т.п. Наконец, этимология приведенного термина поддерживается другим монголизмом *хæлтасæ* «ноговица» (в охотничьем языке), к которому мы еще вернемся. Этимология Г. Бейли *аерчы* < *ark*- < *arg*- «to keep in, enclose», сопровождаемая оговорками [43, 42], отпадает.

Слово *æвирхъау* «необычайный», «неслыханный», «ужасный», «огромный» и т.п. [39, 96] возводится к югоосетинской форме *гервирхъау*, которую Абаев делит на *арв* «небо» и *игъау* / *егъ-ау* «крупный»,

«большой». Напомним, что автор Словаря считает вторую часть слова монголизмом (см. дальше) и передает значение этого слова как «огромный, достигающий небес» (с. 204). Думаем, что следует исходить из североосетинских форм слова. В таком случае его можно связать с монгольским *abiraqu* / *awryo* «гигантский», «колоссальный» [44, 20].

Слово *æвæджиау* «отменный», «отличный» автор возводит к *-фæтк* «обычай» с негативной частицей и суффиксом уподобления (с. 193). Предложенная этимология данного слова представляется гипотетичной.

Слово *æндыснаг* / *æндис* / *æндиснаг* «ломота», «ревматизм» в Словаре осталось без этимологии. Г. Бейли (по подсказке И. Гершевича) привлек для его разъяснения хотанские *hamdiskai* – an adjective referring to the disease... stiffness in the region of the loins and thighs, explained as a form of rheumatism [44, 41].

Слово *бандон* «стул», «скамейка» Абаев возводит, вслед за В.Ф. Миллером, к *бадагдон* «место для сидения» (с. 235). Мы предложили монгольскую этимологию: *bandan* > *бандон* [45, 29]. В 1995 г. Абаев внес изменение в свою статью «*bandon*», признав его «скорее заимствованным» и сравнил с монгольским «*bandan*» [2, 7], правда, без ссылки на указанную нашу работу.

Слово *bandan* получило широкое распространение и в тюркских языках [18, 81], однако осетинский усвоил его, скорее всего, из монгольского. Ср. также *сыре* «деревянный диван со спинкой» < монг. *sire* «стул», «престол» [2, III, 208; 15, 655].

К серьезным размышлениям приглашает словарная статья, посвященная имени славного героя нартовского эпоса – *Батрадзу*. Абаев обратил внимание на имена героев Хамыц и Батрадз в 1935 г. Но тогда он считал их именами монголо-турецкого происхождения [46, 249]. В Словаре он уточняет свою позицию (видимо, благодаря видному монголоведу Цыбена Жамцарано): в новой редакции участие турецкого

исключено. В рассматриваемой статье автор отмечает, что монгольское *Хабичи-Батар* раздвоилось на *Хамыц* и *Батр-адз*. «Мы рассматриваем имя *Batraz* как сложное из *batyr-as*, т.е. «богатырь асский (аланский)», – пишет он (с. 241). Далее автор делает попытку связать *Батрадз* с именем *Ос-Багъатари* «богатырь осский» грузинских хроник, считая первое инверсированной формой второго.

Любительскую этимологию *Батрадз* «богатырь асский» впервые предложил, кажется, А. Кубалов еще в начале XX века [47, 174]. Мы уже писали о монгольском источнике имени Батрадз и финале –адз\-аз [48]. С. Фриц рассмотрела проблему данного имени, но недооценила монгольский источник [49].

Тезис В.И. Абаева о происхождении данного имени остается в силе. Что же касается конечного *-адз*, то оно представляется обычным греческим окончанием, которым скифы и аланы охотно украшали свои имена. В нартовском эпосе есть еще один герой, в имени которого присутствует тот же элемент *-адз*. Это Тотрадз, имя юного героя, павшего от руки коварного Сослана [50, 2010]. Предложенную нами этимологию имени *Батрадз*, как и некоторые другие, мы обсуждали с В.И. Абаевым.

Ad rem.

Как-то во время очередной встречи с моим научным консультантом В.И. Абаевым я обратил его внимание на нечеткость его позиции в трактовке имени Батрадз. Василий Иванович сказал, что этот образ поражает жизненностью, и он связал это имя с историческим деятелем Ос-Багъатари грузинских хроник.

Я заметил, что в осетинском фольклоре есть герой, который восходит к имени исторического Ос-Багъатара – это Ос-Багъатыр:

– Вы считаете нартовского Батрадза и Ос-Багъатари разными героями? – спросил Василий Иванович.

– Хотел бы стать на Вашу точку зрения, но у меня это не получается.

После того разговора прошло много времени. Когда я обосновал свою концепцию о нартовском компоненте в Нартиаде, согласно которой аланы заимствовали мифическую часть монгольской генеалогической легенды о происхождении рода Чингисхана, мы вернулись к проблеме имени Батрадз. Это имя было одним из полудюжины имен, заимствованных аланами вместе с той легендой. Василий Иванович задумался, сказав: «У Вас все хорошо укладывается в систему...»

В словарной статье «*бәлас*» автор ссылается на предполагаемую связь с древнеиндийским *palasa* «листва», а далее пишет: «Возможно и кавказское происхождение; ср. кааб. *bala* «куст» (с. 247).

Данное слово имеет индоиранский паспорт; ср. санскритское *vṛkṣa* «дерево» [51, 616] и, особенно, авестийское *varəša* «дерево». М. Майрхофер, видимо, не прочь признать рассматриваемое слово индоиранским, но замечает, что оно «bleibt fern» [52, 242], имея в виду, очевидно, «*v*» > «*b*» и «*r*» > «*l*». Однако указанные изменения вполне объяснимы: они не нарушают фонотактику осетинского языка, а историческая идентичность сопоставляемых слов несомненна.

Термин *бәхъә* «кол», «шест», «жердь» подается как слово «кавказского происхождения со ссылкой на инг. *bieqhse* «жердь», кааб. *bgequ* «балка» (с. 250). Наличие слова в языках соседних народов вряд ли можно считать достаточным основанием для признания его словом кавказского происхождения. Перед нами, скорее всего, монголизм; ср. монг. *baqa-na* «столб», «колонна», «подпорка», «подставка» и т.п. [15, 53] с отпадением безударного конечного слога. В данном случае, как и в ряде других, автора подвел его кавказоцентризм, преувеличение роли кавказского субстрата в истории осетинского языка.

Слово *бәргезе* «бузина» подается как дигорское (с. 250) вслед за ОРНС (с. 340). Оно бытует и в иронском варианте осетинского языка.

Цам «стыд, конфуз» (?) Абаев отнес к группе слов неизвестного происхождения (с. 288). Мы связываем его с монгольским *icim*- «стыдливый, застенчивый» [15, 224]. В таком случае приходится думать о перемещении ударения на второй слог и отпадении анлаутного «*i*», что поставило следующее <*i*> в неустойчивое положение; ср. *комиссия* >*къамис*, *конфета* > *къафет* и т.п.

Следует еще раз подчеркнуть положение о том, что перенос ударения в заимствованных монгольских словах с первого на второй слог нередко сопровождается фонетическими изменениями. Позволим себе привести еще один пример подобного рода.

Слово *саггар* «парша», «плешь» (с. 296) в Словаре сравнивается с вейнахским *саггэрг* и балкарским *саггар* «парша», но автор не предлагает этимологии. Мы связываем его, как в предыдущем случае, с монгольским *хоггор* «плешивый» [42, 472]. И в данном случае именно перенос ударения на второй слог стал причиной изменения, хотя и не существенного, в рассматриваемом слове: *хоггор* > *жогар > *саггар*. Упомянутые вейнахскую и балкарскую формы, видимо, следует признать аланизмами. Историческая идентичность сопоставляемых слов несомненна.

Абаев посвятил мифическому существу *Артауз* интересную статью [2, I, 53]. Он считает, что имя этого существа, прикованного к Луне, вошло в осетинский через грузинское посредство. Т.К. Салбиев в обстоятельной статье грузинское посредство отвергает [54].

Слово *авдадз*, по мнению В.И. Абаева, употребляется только в сочетании *авдадзы хос* «магическое быстроисцеляющее лекарство». Автор выдвигает два возможных объяснения: 1. слово восходит к *авдай* «семьдесят», которому приписывалось магическое значение, 2. оно восходит к, возможно, древнеавестийскому *abda* со значением «чудесный». Правда, он напоминает, что значение для приведенного слова «чудесный» оспаривается Юнкером [2, I, 195].

Предположения В.И. Абаева приглашают к продолжению обсуждения истории слова *авдадз*.

Начнем с того, что *авдадз* употребляется и вне указанного сочетания; например, Ибрагим Караев в стихотворении, посвященном К.Л. Хетагурову, писал:

Карз тохмæ сидти дæ кадаг
Карз тохмæ сыстад Кавказ, –
Арауы хъустæа дæ зарæг
Махæн дæ зарæг – *авдадз*.
К суровой борьбе твоя песня звала
В суровой борьбе поднялся Кавказ
Песня твоя обжигает слух,
Для нас твоя песня – *авдадз*.

К двум предположениям Абаева мы предлагаем еще одно: осет. *авдадз* < монг. *овдөж* – «больной», «больно» и т.д. Ср.: *би овдөж* бийна «мне больно». Если это предположение верно, то сочетание *авдадзы хос* означает «средство, лекарство от болезни».

Большой интерес вызывает культурное слово *цырагъ* «лампа» [2, I, 323-324], автор показывает огромный ареал распространения данного слова и возводит его к согдийскому источнику. Г. Дерфер считает данное предположение «zu kühn» (слишком смелым) [55, 59].

Термин *цирхъ* / *цирыхъ* давно стал предметом обсуждения. В Словаре он возводится к *цыргъ* «острый». Абаев однозначно считает его архаичным словом со значением «меч», что трудно оправдать. Для меча было два термина *кард* и *ахсар*. Мы связываем *цирхъ* с боевым топором, секирой [56, 24-26]. Однако остается спорным источник происхождения данного слова.

Слово *адылы* В.И. Абаев считает тюркизмом, но не исключает контаминацию с арабским *abdal* «отшельник», «безумный». В свое время Миллер высказал предположение об исконном арийском происхождении данного слова: ср. *согд. *turia*, др.-инд. *turos* «сильный, крепкий», «быстрый», «скорый» [57, 57]. Абаев отвергает этимологию Миллера на том основании, что зна-

чения «плохо вяжутся». Обе гипотезы имеют право на существование, однако приведенные Миллером значения нельзя считать несовместимыми со значениями «глупый», «дурак». Позволим себе привести пример. В одном нартовском кадаге («Как Сослан женился на Кошер») описывается состязание претендентов на руку девушки неопикуемой красоты. Счастье улыбнулось Сослану, и он моментально оказался в подъемной башне Кошер. Боясь, что Сослан не справится с подъемной башней, Кошер сказала нетерпеливому победителю: «Фæлауу, æрра!» «Постой, сумасшедший». Напомню, что в самих тюркских языках данное слово имело и значение «храбрец», «удалец», «герой» [58, 387]. С этим последним значением *дели* связано и осетинское фамильное название *Делитæ* – буквально «Храбрецовы», «Удальцовы».

В словаре слово *къаба* «женское платье» подается как картвелизм греческого происхождения (615). И. Г. Добродомов русское *кабат* считает аланизмом [59, 85]. Если это верно, то история осетинского *къаба* может получить новое толкование.

В статье «Сослан» Абаев приводит ряд тюрко-монгольских имен в Нартиаде. Среди них оказался и Бедзенаг. Однако отдельной статьи «Бедзенаг» в ИЭСОЯ нет. Но мнение автора нам известно: он ошибочно считал его этнонимом «печенег» [4, 79]. Данное имя вошло в Нартиаду вместе с упомянутой выше монгольской генеалогической легендой. Любопытно, что автор не принял во внимание хорошо известные варианты этого имени в национальных версиях эпоса – *Бадын-око*, *Бедене*, *Деденаг* и другие, повторяющие имя монгольского героя *Бодон-чао* / *Бадын* / *Бодунтай* и другие.

На размышления наводит статья, посвященная важному термину *бирæгъ* «волк». Автор обращает внимание на распространенность этого слова в угро-финских языках и пишет: «с этими финскими названиями и следует в первую очередь связывать ос. *бирæгъ*» (263). А дальше он пишет, что данное слово иранского, сакского

происхождения взамен табуированного *Wærxæg*. Можно было бы постулировать такое состояние, которое могло бы объяснить действительную историю происхождения слова, учитывая его наличие во многих арийских и индоевропейских языках *vlk. Его следует признать исконным. В таком случае угро-финские аналогии логично связать с иранскими формами его бытования. Не исключено, что *væhrka дало в одних случаях *Wærxæg, а в других *birgga. Связь же осетинского *бирæгъ* с древним *væhrka* у Христиана Бартоломе не вызвала и тени сомнения [60, 1379].

Слово *булкъон* «полковник» автор возводит к русскому «полковник». Корректнее было бы привести промежуточную форму данного термина *боркон*, отмеченную А. М. Шегреном [33, 41].

Имя родоначальника одного из нартовских родов *Бурæфæрныг* сближается с именем прародителя скандинавского бога Бора (272). Абаев об этой «догадке» писал еще в 1945 г., но этимологического обоснования не предложил. Автор в корне *бур-* / *бор-* видел значение «желтый». Иную трактовку осетинского *бур-* предлагают В. С. Расторгуева и Д. И. Эдельман [61, 151-153].

Термину *бинойнаг* «супруга» и *бинонтæ* «семья» автор уделил много внимания, отвергая этимологию И. Гершевича *бинонтæ* – *hapathni* «co-wife» на том основании, что тот оставил без внимания судьбу *b-* вместо ожидаемого, закономерного, на его взгляд, *f-*. Мы уже писали о «законности» *«p»* > – *«b»*, т.о. этимологию Гершевича можно принять как рабочую гипотезу.

Хотелось бы обратить внимание на согдийское *rapanc=*rap-ana* «co-wife», ягнобское *riponc* – «соперница», «жены многоженца по отношению друг к другу» [62, 60]

Слово *bissew* «мальчик» автор Словаря сближает с грузинским *бичъи* «мальчик» и считает его старым субстратным наследием, приводит примеры из разных языков, в том числе и памирских. И. Н. Стеблин-Каменский считает сбли-

жение *bisew* с памирским *buts* «дитя» ошибочным [63, 106].

Интересной представляется статья, посвященная термину *dzaemby* «лапа». Автор ссылается на примеры, которые, по его мнению, связаны с осетинским *dzaemby*, в их числе он называет английское *comb* «гребень». Более вероятным представляется отдаленное родство осетинского *dzaemby* с английским *thumb* – «большой палец» [64, 556].

Слово *dzykka* «каша из муки с сыром или сметаной» автор возводит (правда, без уверенности) к *dzykki* «сыр» в детской речи (403). Перед нами явный монголизм: ос. *Dzykka* < монг. *čokuken «сметана». Позволим себе привести небольшое наблюдение. К этимологии термина *dzykka* В.И. Абаев предположил вводное «по-видимому» с ярким модальным содержанием. А в следующей статье *dzykki* «сыр» на детском языке уверенно пишет, что от этого слова образовано название *dzykka*, вошедшее в язык взрослых (403-404).

Ad rem.

Весной 1975 года профессор Г.Д. Санжеев отдыхал в Кисловодске, приехал во Владикавказ для продолжения обсуждения вопроса, который его тогда очень интересовал. (Речь идет об алано-монгольских языковых и фольклорных связях). В присутствии членов кафедры осетинской филологии и общего языкознания СОГУ гость как-то внезапно спросил: «Вы не отказались от монгольской этимологии кулинарного термина *дзыкка*?» «А почему я должен был отказаться?» – ответил я вопросом на вопрос. Гарма Данцаранович рассмеялся и сказал: «Я говорил с Василием Ивановичем о Вашей этимологии... и он, шутя, сказал, что мы *дзыкка* монголам не отдадим». «Одно и то же слово, сказал я, – при этом в бурятском языке значение термина связано со сметаной. Этимология прозрачна, чего нельзя сказать об осетинском».

Известно, что названия блюд легко заимствуются. Бурят-монгольское блюдо оказалось, по-видимому, новым для алан и вполне приятным приобретением.

Абаев высказал предположение о монгольском происхождении слова *егъау / игъау* «крупный», «большой» (411). (Сам факт заимствования данного слова представляется чрезвычайно интересным.) Он заметил, что соотношение форм слова иронского *егъау* / дигорского *игъау* в осетинских диалектах необычно.

Перед нами важный монголизм, усвоенный из разных монгольских диалектов. Иронская форма восходит к бурят-монгольской, а дигорская – к халха-монгольской. Логично связать это слово с эффектом монгольского суперстрата [64, 54-55].

Слов *ерыс* / *ерис* «соревнование», «спор» автор считает тюркским вкладом в осетинский (413). Скорее всего, это слово вошло из греческого непосредственно, известно, что между предками осетин и греками были тесные разносторонние связи в течение многих веков. Интересно, что осетинское *ерыс* прежде выражало и идею враждебного соперничества, раздора. По неволе вспоминается роль богини Ерис в греческой мифологии (эта богиня раздора вызвала соперничество между тремя богинями – Герой, Афиной и Афродитой, претендовавших на звание красивейшей из женщин. Афродита подкупила судью Париса, пообещав ему в жены Елену Прекрасную, что привело к длительной Троянской войне).

Термин *фæсарц* «за спиной седока» состоит из двух компонентов *фæс*- «после», «за» и *арц*. Абаев видит во второй части иранское *арц* «копье» (451) и объясняет слово как «позади копья», которое носилось за спиной. Скорее всего, перед нами сложное образование гибридного типа: иранское *fæs*- «после», «за» и тюркское *arti*- «спина». Т.о., *фæсарц* означает «за спиной».

Василий Иванович настойчиво проводит мысль, что термин *гал* «бык», «вол» был усвоен осетинами от кавказских соседей. В.Ф. Миллер сопоставил это слово с др.-инд. *gavala* афг. *Gwar* – «бык», «буйвол» [66, 51]; ср. в санскрите *gava, gavala* «бык» [51, 191]. Известно, что быки были

основной тягловой силой со времен античности вплоть до наших дней, а потому гипотеза о кавказском происхождении слова обречена.

На серьезный размышления приглашает и этимология термина *ġargurojnæ* (диг.) «ручная мельница» (535). Автор дели термин на *ġar* – шум и *kurojnæ* – «мельница», буквально «шуми, мельница» (точнее – «крик мельницы»!). Странная этимология, в основе которой лежит ложное осмысление первой части сложного слова. Не находит данная этимология и типологической поддержки. Логичнее видеть в *ġar* – значение «рука», «ручной». Если это так, то можно предложить монгольский источник: монг. *ġar* > осет. *ġar*. Стеблин-Каменский отмечает в ваханском и других памирских языках *ġar* – «камень», *xædorg ġar* – «каменная мельница» [63, 106]. Данный пример представляется соблазнительным, т.к.

ручные мельницы горцев первоначально были каменными.

Дигорское слово *ædonug* «жаждущий» получило вполне ожидаемую этимологию. Однако ссылка на идеосемантику турецкого *su-syz*, буквально «лишенный воды», представляется нерелевантной. Уместно было бы сослаться на исконное арийское *udaniya* «thirst» [67, 89].

Словом кавказского происхождения считает автор термин *bæqæ* «кол», «жердь», «шест». При этом он ссылается на его наличие в ингушском, *bieghe* и кабардинском *bġæqu* «балка» (250). Ссылка вряд ли имеет доказательную силу: носители трех названных языков в течение тысячелетий живут по соседству и вперемешку, соответственно, в их лексике много общего. Мы возводим осетинское *bæqæ* к монгольскому *bagana* «столб», «колонка», «подпорка» [44, 29].

Продолжение следует.

1. Дюмезиль Ж. Осетинский эпос и мифология. М., 1976.
2. Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. М-Л., 1958. Т. 1.
3. Mullenhof K. Ueber die Herkunft und Sprache der pontischen Skythen und Sarmaten. Berlin, 1869.
4. Абаев В. И. Нартовский эпос // Известия СОНИИ. Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. 1.
5. Немировский М. Я. Из вопросов истории осетинского языка, разъясняемых в Историко-этимологическом словаре осетинского языка В. И. Абаева // Известия СОНИИ. Орджоникидзе, 1960. Т. XXII. Вып. 1.
6. Hamlyn D. IV. The Theory of Knowledge. London, 1980.
7. Латышев В. В. Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. СПб., 1896. Т. 1.
8. Zgusta, Ladislav. Die Personennamen griechischen Stadte der norlicher Swarzmeerkiiste. Praha, 1955.
9. Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. Киев, 1965. № 2.
10. Климент Александрийский. Ковры // Вестник Древней истории. 1848. № 12.
11. Плутарх. О музыке. Петроград, 1922.
12. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. IV. М., 1973.
13. Мейе А. Сравнительный метод в историческом языкознании. М., 1954.
14. Черемисов К. М. Бурят-монгольско-русский словарь. М., 1951.

15. Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов. Улан-Удэ, 1977.
16. Монгол-орос толь. М., 1957.
17. Неклюдов С. Ю., Тумурцерен Ж. Монгольские сказания о Гесере. Словарь. М., 1982.
18. Древнетюркский словарь. J1. 1969.
19. Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков. А-Н. М., 1977.
20. Севортян Э. В. Этимологический словарь тюркских языков (Общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974.
21. Benveniste E. Indo-European Language and Society. London, 1973.
22. Ernout A., Meillet A. Dictionnaire etymologique de la langue latine (Augmenté d'additions et de corrections nouvelles par Jacques Andre). Paris, 1979.
23. Трубочев О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. М., 1959.
24. Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.
25. Гуриев Т. А. Антропонимия осетинского нартовского эпоса. Орджоникидзе. 1981.
26. Knappert, J. Indian Mythology. An Encyclopedia of Myth and Legend. London, 1991.
27. Бессонова С. С. Религиозные представления скифов. Киев, 1983.
28. Ray S. Scythian Elements in Early Indian Art. New Dehli, 2009.
29. Dawson. J. A Classical Dictionary of Hindu Mythology. New Delhi, 1973.
30. Dhavalikar M. K. Proto-Pasupati in Western India // East and West. Rome, 1987. Vol. 28. № 1-2.
31. Khandpur S. Let Us Know India. II. Bombay, 1981.
32. Миллер В. Ф. В горах Кавказа. Владикавказ, 2007.
33. Шегрен А. М. Осетинская грамматика с кратким словарем. СПб., 1844.
34. Cleaves F. Aldar-cab-cab-aldar // Harvard Journal of Asiatic Studies. V. 18.
35. Poppe N. Introduction to Mongolian Comparative Studies. Helsinki, 1965.
36. Benveniste E. Etudes sur la langue ossete. Paris. 1959.
37. Липец Р. С. Образы Батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М., 1984.
38. Одинцов Г. Ф. Из истории гиппологической лексики в русском языке. М., 1980.
39. Миллер В. Ф. Осетинско-русско-немецкий словарь. (Под ред. и с дополнениями Фреймана А. А.) Т. I. Л., 1927.
40. Джанашивили М. Известия грузинских летописей и историков о Северном Кавказе и России // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 22.
41. Калоев Б. А. Осетины (Историко-этнологическое исследование). М., 1967.
42. Русско-монгольский словарь. (Под ред. Санжеева Г. Д.) М., 1960.
43. Bayley H. W. Sakaand Alan // Вопросы иранской и общей филологии. Тбилиси, 1977.
44. Ramstedt G. J. Kalmiikisches Worterbuch. Helsinki, 1935.
45. Гуриев Т. А. Отражение монгольских влияний в языке и эпосе алан (осетин). АДД. М., 1970.
46. Абаев В. И. Фольклор // Мах Дуг. Владикавказ. 1935.
47. Кьубалты Алыксандр. Уацмыстæ. Орджоникидзе, 1978.
48. Гуриев Т. А. Сборник избранных статей. Владикавказ, 2010.
49. Fritz S. Die Ossetischen Personennamen // Iranisches Personennamenbuch. Wien, 2006. Band III.
50. Гуриев Т. А. К этимологии эпических имен Батрадз и Тотрадз. Проблемы осетинского языкознания, № 3. Владикавказ, 1993.
51. Кочергина В. А. Санскритско-русский словарь. М., 1978.

52. Mayerhofer M. Kurzgefasstes etymologisches Wörterbuch des Altindischen. Heidelberg, 1970.
53. Абаев В. И. Избранные труды. Владикавказ, 1990. Т. 1.
54. Салбиев Т. К. Как ветхозаветный пророк оказался привязан к Луне // Всероссийские Миллеровские чтения. 2012. Т.3. С.258-270.
55. Dorfer G. Türkische und Mongolische Elemente in Neu Persische. Wien. 1967. Band III.
56. Гуриев Т. А. Памятник особого рода: язык. Владикавказ, 1995.
57. Миллер В. Ф. Язык осетин. М., 1962.
58. Кероглу. Баку. 1939.
59. Добродомов И. Г. Об аланизмах в западных и восточных славянских языках. Проблемы осетинского языкознания. Владикавказ, 1984.
60. Bartholomae Ch. Indogermanische Wörterbuch. Strassburg. 1904, 1379.
61. Расторгуева В. С., Эдельман Д. И. Этимологический словарь иранских языков. М., 2003. Т. 2.
62. Смирнова О. И. Согдийское *b'tprh* и *prpwh* // Памяти академика И. Ю. Крачковского. Ленинград, 1958.
63. Стеблин-Каменский И. М. Этимологический словарь ваханского языка. СПб., 1999.
64. Skeat W. A. Concise Etymological Dictionary of the English Language. Oxford, 1924.
65. Hoad T. F. A Concise Dictionary of English Etymology. Oxford, 2003.
66. Древнетюркский словарь. Л., 1980.
67. Turner A. L. Comparative Dictionary of Indo-Aryan Languages. London, 1973.